

УДК 81'33+32.019.51

«БЕЙ СВОИХ, ЧТОБ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ»: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АМАЛЬГАМА ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ КАК ОРУЖИЕ ВНУТРЕННЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ, И КАК ЕЁ МИШЕНЬ – В РОССИИ (ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА)

А.В. Колмогорова

Статья посвящена анализу функций и особенностей использования одного и того же концептуального феномена медийной картины мира в политических дискурсах двух стран – России и Франции. В качестве объекта исследования выступает концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ, которая в силу сложившейся геополитической обстановки выходит за пределы русского идеологического сознания, становясь частью картины мира европейцев. Предметом изучения в данной публикации является место и функции обсуждаемого концептуального феномена в контексте информационных войн, ведущихся, как в международном, так и во внутринациональном масс-медийных пространствах. На примере политических масс-медийных дискурсов Франции и России показывается, как концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ становится оружием в информационной войне политических сил правого толка со сторонниками гуманистических идей «общего сада» во французских СМИ, в то время как эта же амальгама в отечественных оппозиционных изданиях и медиа-источниках приобретает характер мишени, для разрушения которой применяются различные стратегии дискурсивного воздействия. С позиций критического дискурс-анализа выявляются дискурсивные стратегии, средства, приёмы, используемые французскими и российскими СМИ для внедрения/разрушения анализируемых концептов. Делается вывод об их содержательных и организационно-структурных отличиях.

Ключевые слова и фразы: информационная война; концептуальная амальгама; медиадискурс; дискурсивные стратегии.

“BEAT OF THEIR OWN TO OTHER PEOPLE'S FEAR”: CONCEPTUAL AMALGAM PUTIN – LEADER OF THE NATION AS THE ARMS OF THE INTERNAL INFORMATION WARFARE IN FRANCE AND AS ITS TARGET IN RUSSIA (VIEW OF LINGUIST)

A.V. Kolmogorova

The paper concern is the analysis of functions and ways of using the same conceptual phenomenon of mass-media worldview in the political discourses of two countries – Russia and France. The research is particularly focused on the conceptual amalgam PUTIN – LEADER OF THE NATION that goes beyond only ideological conscious of Russians and tends to emerge in European worldview due to the geopolitical challenges. The principal subject of our study is to find out the main functions of the conceptual phenomenon under discussion in the context of information warfare waged on the both international and domestic mass-media fields. On the basis of Russian and French political media discourses we show how the conceptual amalgam PUTIN – LEADER OF THE NATION becomes in French mass-media a weapon of information warfare for the right-wing parties trying to fight their adversaries that share the Humanistic ideals of natural community, while the same amalgam turns into the target of information warfare waged in Russian medias

supporting political opposition. The rich inventory of critical discourse analysis tools is applied to explore discursive strategies, means and devices adapted by Russian and French mass-medias for implanting/ destroying the concepts under discussion. Some crucial differences featuring the mentioned strategies content and structural organization in two national types of political discourse are also revealed.

Keywords and phrases: *information war; conceptual amalgam; media discourse; discursive strategies.*

Введение

Информационная война ведётся на всех национальных и геополитических фронтах – с этим трудно спорить. Целью данной публикации является показать, как то, что выступает оружием информационной войны для французских политических сил, в данном случае – войны со сторонниками североамериканского политического блока, во внутренней информационной войне в России становится мишенью воздействия. Речь идёт о концепте национального единения под эгидой сильного лидера – ЛИДЕР НАЦИИ, который в последнее время устойчиво ассоциируется с концептом ПУТИН, формируя своеобразную концептуальную амальгаму. Рассмотрев дискурсивные стратегии и тактики использования данной концептуальной амальгамы в качестве орудия разрушения доверия к западным политическим лидерам во французских СМИ, мы постараемся показать, какие стратегии и тактики используются в российских оппозиционных СМИ для разрушения, как самих данных концептов, так и их устойчивой связи в русском национальном сознании для уничтожения национальной идентичности русских.

1. Понятие информационной войны: от метафоры к реальности

Термин «информационная война» был впервые употреблён в 1967 г. А. Даллесом («Гайная капитуляция») в контексте описания тайных сепаратных переговоров между США и Великобританией, с одной стороны, и рейхсфюрером СС Гиммлером – с другой, в значении «личное, разведывательные, диверсионные действия по подрыву тыла противника» [Панарин 2008]. В дальнейшем терминологическое сочетание превратилось в одно из ключевых слов эпохи холодной войны, став манифестацией концептуальной метафоры в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где в качестве области-источника был использован ещё живой в опыте поколения образ реальных военных действий, а областью-мишенью стал новый феномен, рождённый в недрах постиндустриального общества, – обеспечение максимального контроля над определенной территорией, группой людей,

обществом или его частью, которое достигается планомерным информационным воздействием через манипуляцию общественным сознанием и формирование «нужного» общественного мнения с помощью широкого спектра специальных средств и методов [Иванов 2015: 22]. Сегодня мы можем наблюдать то, что управление мнением индивидов приводит в действие совсем не умозрительные, а вполне материализованные механизмы агрессии, насилия, приводя к многочисленным жертвам. Информационная война становится реальностью материальной. Ален Д. Кампен, составитель сборника «Кибервойна: безопасность, стратегия и конфликт в информационную эпоху», написал о вооружённом конфликте в Ираке: «Война в Заливе стала войной, в которой унция кремния в компьютере дала больший результат, чем тонна урана» [Campen 1992: 12]. Таким образом, сегодня семантическое движение термина «информационная война» идёт по пути реификации – опредмечивания метафоры.

Будучи рассмотрена на первых порах как явление внешнеполитическое, как противоборство двух конфликтующих государств, сегодня информационная война трактуется также и как совокупность действий, осуществляемых на внутривнутриполитической арене «против политики конкретного правительства приверженцами групп и движений, связанных, например, с религиозными вопросами, проблемами охраны окружающей среды или защиты гражданских прав» [Балуев. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/02/bal> (дата обращения – 18.02.2012)].

Информационная война, являясь специфическим видом деятельности, имеет определённую структуру, номинация компонентов которой продолжает метафорическую линию: субъект информационной войны – общности людей (нации, государства, коллективы компаний) [Почепцов 2000], объект – массовое сознание, сознание нации или какой-либо целевой группы [Сковородников, Королькова 2016], мишень – один из элементов той информационной системы, коей является объект, «имеющий потенциальные ресурсы для перепрограммирования на достижение целей, чуждых данной системе» [Пискун 2010: 212]. Иначе говоря, в качестве мишени информационно-психологического воздействия может выступать та или иная структура массового, национального, группового сознания: концепт, фрейм, сценарий. В данной публикации мы сосредоточимся на том, какими дискурсивными средствами (речевыми, жанровыми, паратекстовыми) происходит воздействие со стороны субъектов внутренней информационной войны на такую мишень русского национального сознания, как концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ. Продолжая

перечисление компонентов структуры информационной войны, упомянем также оружие информационной войны – элемент, который внедряется в массовое, национальное, групповое, личное сознание, дабы разрушить или перепрограммировать одну из его составляющих, и приём информационной войны – то, каким образом упомянутый элемент внедряется для разрушения мишени (вербально, невербально, паравербально, с привлечением каких дискурсивных средств). В настоящей статье мы рассмотрим, как концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ становится оружием информационного воздействия на французской внутривнутриполитической арене.

При этом уточним, что под концептом мы понимаем «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона» позволяющую хранить знания о мире, как «строительный элемент» концептуальной системы, способствующий обработке объективного опыта путем проведения информации под определенные категории и классы» [КСКТ 1996: 90].

Формулируя термин «концептуальная амальгама», мы опирались, с одной стороны, на понятие амальгамы в химии как сплава металла с ртутью, а с другой стороны – на использование данного термина в лингвистике, в частности, в сочетании «синтаксическая амальгама» [Лакофф 1982; Апресян, Иомдин 1989] для обозначения местоимения-предикатива, выполняющего одновременно две функции, например, сказуемого и обстоятельства (*негде спать*). Таким образом, общим элементом для естественно-научного и лингвистического понимания термина «амальгама» является одновременное и взаимопроникающее присутствие двух явлений в одной структуре. То же и с концептуальной амальгамой: концепты ПУТИН и ЛИДЕР НАЦИИ в современном политическом медиаконтексте (как западном, так и российском) настолько устойчиво ассоциируются друг с другом, что формируют единую структуру массового сознания, не теряя при этом своей онтологической самостоятельности.

2. Методология исследования

Стратегии и тактики политической коммуникации являются одним из основных предметов изучения в современной коммуникативной лингвистике, а способы организации воздействия в политическом дискурсе широко исследуются в рамках отдельного направления, выделившегося в проблемном поле дискурс-анализа, – политической лингвистики. Сегодня мы можем наблюдать разнообразие школ и подходов к анализу

политической коммуникации, политического дискурса. В рамках отечественной коммуникативной лингвистики – это ставшие классическими работы О.С. Иссерс по стратегиям и тактикам политической дискредитации в российских СМИ [Иссерс 1997]. В контексте Екатеринбургской школы политической лингвистики под руководством А.П. Чудинова политическая коммуникация изучается с использованием методологии когнитивного моделирования таким образом, что в фокусе исследования оказываются концептуальные метафоры, организующие политический дискурс [Чудинов 2006; Будаев 2007]. Однако нижеследующий анализ выполнен с опорой на методологию, разрабатываемую в недрах критического дискурс-анализа в том его ответвлении, идейным вдохновителем которого является Теун ван Дейк. Согласно исследовательской модели Т. ван Дейка [Dijk 1997; Dijk 2009], аналитическая процедура работы с политическим дискурсом должна ответить на вопрос, чья власть воспроизводится посредством данного дискурса и каким арсеналом средств это делается. Среди последних выделяется «этажированная» номенклатура: 1) макропропозиции – самые общие утверждения, которые отстаиваются «строителями» дискурса в том числе – при помощи моделирования структур знания; 2) схематические стратегии, представляющие собой 2а) темную и микротемную структуру дискурса, 2b) его композиционную организацию, 2с) средства локальной семантики, которые базируются, как правило, на имплицитных смыслах и семантических компонентах (имплицитные, семантические пресуппозиции, инференция, кореференциальные цепочки), 2d) лексико-грамматические средства (выбор действительного/страдательного залога, единственного/множественного числа, временных планов, лексико-семантических полей, тематико-семантических групп), 2е) риторические средства (тропы и фигуры), доминирующие виды речевых актов.

Просмотренные «по вертикали» все вышеперечисленные средства воспроизводят власть и влияние определённой политической группы. Отдельно выделяются такие разновидности дискурсивных стратегий, как когнитивные и схематические стратегии, а средства более «низкого» уровня представленности рассматриваются лишь как инструменты выявления первых. В данной публикации мы будем выделять не только когнитивные и схематические дискурсивные стратегии, но и семантические дискурсивные стратегии, подчёркивая тем самым, что, зачастую, в политических дискурсах «сила влияния» формируется как раз на уровне семантического сцепления, фокусировки на имплицитном.

Риторические и лексико-грамматические средства будут проанализированы «внутри» каждой из стратегий как инструменты их реализации.

3. Концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ как оружие информационной войны на французской политической арене: дискурсивные стратегии и тактики применения

Осознав, пожалуй, раньше, чем многие другие государства силу власти дискурса, Французская Республика традиционно много внимания уделяет формированию общественного мнения, воздействию на массовое сознание [Соловьёв 2010: 79]. Сегодня в центре информационной баталии находятся, если несколько упростить ситуацию, два противоборствующих лагеря: левые, считающие, как Андре Глюксман, что вольтерьянская схема развития человеческого общества исключительно через обмен и коммуникацию вне и без каких бы то ни было границ, должна по-прежнему быть идеалом для Европы, которая в будущем станет местом самого свободного и безграничного обмена мыслями, благами, традициями, какое только может существовать [Glucksmann 2015]; и правые, утверждающие, вслед за идейным лидером Марин Ле Пен, что «деньги налогоплательщиков должны использоваться на благо самих налогоплательщиков и их регионов», что «Франция не отдаст ни копейки подпольным мигрантам» [TAMLP. URL: https://twitter.com/mlp_officiel (дата обращения – 25.12.2015)], что страна нуждается, наконец, в сильном национальном лидере.

Именно для последних из упомянутых политических сил концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ является сильнейшим оружием для разрушения в национальном сознании идеологием французской демократии и вольтерьянского «общего сада». В качестве материала для анализа дискурсивных средств внедрения данной концептуальной амальгамы мы используем статьи, опубликованные в 2014–2015 годах в ведущих французских изданиях «LeFigaro», «L'Express», «Libération», «Paris Match», «LesAffaires» и посвящённых политической фигуре российского президента.

Схематическая стратегия «имитации культурно релевантных текстов»

Для мировосприятия французов, прошедших через все тернии строго школьного и университетского образования, где чтение, интерпретация и запоминание цитат из классических текстов великих авторов, прежде всего, Античности, занимает наиважнейшее место (так называемые «традиции аналитического чтения»), намёк на античные образцы является очень узнаваемым и позволяет читателям быстро категоризировать новую

ситуацию, встроив в известный прецедентный контекст, коннотативно положительный. Так, в статье «Routine, Orban: pourquoi les autocrates séduisent à l’Ouest» (Путин и Орбан: почему сильные лидеры так привлекательны для Запада») политолог и журналист Каролин Галактерос [Galactéros – F.], решая задачу внедрения положительно окрашенного концепта ЛИДЕР НАЦИИ, ассоциируемого с фигурой ПУТИН, в картину мира французов, использует композицию древнегреческой комедии, где сюжет зиждется на невероятном проекте, который хотят воплотить в жизнь пара смельчаков (например, в комедии Аристофана «Птицы» – создать царство птиц между небом и землёй). Естественно, что у реализации плана есть противники. Действие греческой комедии разворачивается на сцене, где хор, разделённый на две противоборствующие стороны (каждая по 12 человек), общается между собой и с актёром, который комментирует суть конфликта для публики. В середине пьесы наступает время агона, когда противники вступают в открытый конфликт, начинается потасовка, свалка, смельчаки побеждают, их план оказывается осуществлён, а привычный порядок – перевернут. В дальнейшем раскрываются последствия этого переворота, как правило – благотворные.

Каролин Галактерос как раз и начинает текст с представления смельчаков, не называя их имён, но референциальный намёк предельно ясен благодаря заголовку и фото Путина и Асада в момент рукопожатия: *Comme les grands fauves, survivants incompris et pourchassés d’un temps révolu, ils se sentent, se reconnaissent, se respectent, même dans l’opposition farouche, et d’une certaine façon aussi se serrent les coudes. Ils méprisent souverainement la faiblesse de leurs interlocuteurs qui leur parlent morale pour masquer leur idéalisme impuissant ou leur cynisme au petit pied. Ils tiennent pour indispensable la centralité de la décision et l’autorité sur leur «peuple» qu’ils ne réduisent pas à une «population» mais entendent guider vers un horizon puissance et d’influence peut-être contestable mais au moins défini et clair* (Выжившие, но так и непонятые, загнанные в угол сменой эпох, они, как сильные хищники, чувствуют друг друга, узнают, уважают, даже находясь в противоборствующих лагерях, и, так сказать, держатся вместе. Они, как и следует суверенам, презирают мягкотелость своих собеседников, рассказывающих им о нравственности и морали единственно для того, чтобы скрыть своё бессилие или цинизм. Они уверены в том, что решения должны приниматься единолично ими, а народ, – заметьте, не «население», – должен осознавать силу власти, той власти, которая ведёт его к ясно различимым, хотя и спорным, с точки зрения некоторых, идеалам мощной и влиятельной нации). Через сравнение, переходящее в развёрнутую метафору («как

мощные хищники», «загнанные», «они чувствуют друг друга, узнают, уважают, держатся вместе») создаётся предельно маскулинный образ диких животных. Маскулинность подчёркивается анафорическим повтором в начале нескольких предложений местоимения 3л., множ. числа, мужского рода *ils*, а также субстантивными лексемами ‘управление’ (*décision*), ‘власть’ (*autorité*), ‘мощь’ (*puissance*) ‘влияние’ (*influence*).

Затем представляется другая сторона – западные демократии, олицетворяющие женское слабое начало, на что намекает, хотя и грамматически оправданное (демократии – мн.ч., ж.р.), анафорическое употребление местоимения 3л., множ. числа, женского рода *elles*: *Elles prétendent incarner le stade abouti du Progrès humain, du Vrai, du Juste et du Bon, mais sont en pleine crise sociale, morale et politique. Elles prennent de plein fouet l'affirmation de pouvoirs plus directs, confiants et déterminés qui leur jettent le gant et remportent la mise* (Им кажется, что они олицетворяют собой наиболее совершенную стадию человеческого развития, идеалы Истины, Справедливости и Добра, но сами они находятся в глубочайшем нравственном, социальном, политическом кризисе. Они ведут неприкрытую борьбу с государствами, где власть сильна, определённа и уверена в себе, и бросает этим демократиям вызов, который те принимают). Сходство с греческой трагедией ещё более усиливается благодаря абсолютизации и аллегоричности представления таких качеств, как Прогресс, Истина, Справедливость, Добро (*du Progrès humain, du Vrai, du Juste et du Bon*) через использование прописной буквы. Идея противоборства двух сторон актуализируется глаголами с семой противостояния, борьбы: ‘ведут неприкрытую борьбу’ (*prennent de plein fouet*), ‘бросают им вызов, который те принимают’ (*leur jettent le gant et remportent la mise*).

В центральной части статьи политолог всё более повышает «градус» накала страстей и даёт слово (при помощи несобственно-прямой речи) агрессивным настроенным западным политикам, с возмущением вопрошающим относительно сильных восточных лидеров, прежде всего, Путина: *Comment font-ils pour rester au pouvoir en dépit de tant de morgue et de violence? Pourquoi diable leurs peuples les soutiennent-ils avec ferveur? Arriérés sans doute, n'ayant pas encore vu la lumière!* (Как им удаётся – так и оставаться у власти, несмотря на всё их высокомерие, на насилие, которое они применяют? Почему, чёрт возьми, их так поддерживает народ? Их, недоразвитых и тёмных?). Начинается «агон» античной комедии – свалка, перебранка конфликтующих сторон, как бы передаваемая голосом журналиста.

Об очевидной победе смельчаков – сильных лидеров восточных наций – свидетельствует перечисление тех благотворных последствий, которые имеет их видение

мира и их поведение: *sa popularité ne faiblit pas* (его (Путина) популярность не ослабевает), *il a conscience que l'Histoire est la chair même d'une nation* (он осознаёт, что История это плоть нации), *il fait de la politique...en Russie et désormais au Moyen Orient* (он вершит политику в России и отныне на Ближнем Востоке).

Заканчивается текст статьи, как и греческая комедия – так называемой второй парабасой, когда хор обращается к зрителям со своего рода моралью. В тексте статьи это призыв к изменению мировоззрения в сторону принятия идеи сильного лидера нации: *Chaque Etat, tous les Etats, ont besoin de figures politiques de l'autorité et de la responsabilité, imparfaites mais qui assument leurs choix et essaient d'incarner leur vision dans une action politique ambitieuse* (Каждое государство, все государства нуждаются в сильных политических фигурах, способных взять на себя ответственность, несовершенных, но имеющих смелость принять решение и без колебаний воплощающих свои амбициозные идеи в политической реальности).

Два концептуальных признака – «сила» и «последовательность/продолжение национальных традиций» – рассматриваемой концептуальной амальгамы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ, могут актуализироваться одновременно посредством дискурсивных стратегий разного типа. Так, в интервью политолога Жана-Франсуа Колозимо изданию «Фигаро» [Colosimo – F.] наблюдаем **изоморфизм семантической и схематической стратегий**: в тексте интервью неоднократно появляются лексические единицы с компонентами «последовательность», «повторяемость», «связность», «цельность»:

Le coup vient donc de loin. Une fois de plus, ce qui frappe est la détermination et la brutalité avec lesquelles Vladimir Poutine l'administre (Таким образом, этот удар имеет предысторию. И всякий раз удивляет то упорство и та прямота, с которой Путин его применяет)

[...] *Pour ce faire, il démontre une capacité d'analyse et de réflexion froide, suivie d'une action stratégi que menée avec une détermination systématique qui tranche avec les attermoiments des Européens et des Américains (Чтобы этого достигнуть он (Путин) демонстрирует недюжинные способности к хладнокровному анализу и расчёту, сочетающиеся с активными действиями, систематически ведущимися в соответствии с избранной стратегией, что выгодно отличает Путина от европейских и американских лидеров) ;*

[...] *sa politique intérieure et sa politique extérieure sont en cohérence (его внешняя и внутренняя политика взаимосвязаны),*

одновременно в тексте статьи поступки В. Путина всегда даются в ретроспективе, начиная с внешней политики Екатерины Великой и заканчивая эпохой Советского Союза, периодом холодной войны, а затем перестройкой и крушением берлинской стены, таким образом намечаются логические цепочки, объясняющие те или иные поступки и решения национального лидера в соответствии с историческими траекториями развития России, а не в логике личных спонтанных резолюций или прихотей.

Семантическая дискурсивная стратегия «удвоения» образа сильного лидера путём создания ореола сексуальной привлекательности реализуется за счёт средств локальной семантики, имплицитной интертекстуальности и семантической фигуры каламбура. Например, газета «L'Express» помещает в номере за 04.11.2015 [Forbes – Ex.] информацию о том, что В. Путин в третий раз подряд стал самым влиятельным человеком в мире по версии журнала Форбс. Во французском языке лексема *homme* имеет два основных значения: 1) человек и 2) мужчина. В заголовке и лиде статьи кореференциальной номинацией В. Путина является *l'homme le plus puissant du monde* ('самый могущественный человек в мире'), но уже в первом абзаце статьи появление антонимичной пары *home / femmes (des hommes et des femmes les plus puissants)* актуализирует второе значение лексемы 'мужчина', что получает семантическое продолжение во второй части фразы в интертекстуальном включении, заимствованном жёлтой прессой и популярными изданиями из текстов по зоологии: «*le président russe Vladimir Poutine reste le mâle dominant de la planète*» (русский президент В. Путин продолжает оставаться доминантным самцом всей планеты). Актуализация этого, второго значения лексемы *home* ('мужчина') позволяет внимательному читателю увидеть второе значение в заголовке статьи, который может быть понят и как «По версии Форбс Путин – мужчина с самой сильной потенцией в мире...», поскольку предикативная лексема *puissant* имеет в современном употреблении и значение 'сексуально сильный'.

На когнитивном уровне внедрение положительно окрашенного концепта ЛИДЕР НАЦИИ происходит за счёт его аффилиации (**когнитивная дискурсивная стратегия аффилиации**) со сценарием ВИЗИТ ПРОСИТЕЛЯ К ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОМУ ХОЗЯИНУ, в который вовлечены Никола Саркози («Сарко» как зовут его французы) и Владимир Путин. Рассказ о встрече Н. Саркози и В. Путина помещается в рамках известного универсального сценария, вследствие чего каждый элемент описания встречи получает новое значение.

Следует подчеркнуть, что Н. Саркози является одним из тех политиков, кому французы симпатизируют в наименьшей степени. Накануне президентских выборов 2012 года всё тот же журнал Форбс писал о нём [Forbes – S.]: «Французам очень не нравился стиль правления президента – “сумасшедший” и “дерганный”. Им не понятна его слишком переменчивая позиция». В статье от 30.10.2015, рассказывающей о визите Н. Саркози в Москву, Шарль Жэг в «LeFigaro» [Jaigu – F.] следующим образом формулирует заголовок: «В гостях у Владимира Путина Николя Саркози хлопчет о разрядке международной напряжённости». Интересна в этом отношении роль визуального компонента статьи – фотографии, запечатлевший один из моментов визита. Как отмечает А.Я. Сарна [Сарна 2012: 164], «визуальный текст предстаёт как сложный организованный феномен, способный объединить различные средства репрезентации (знак, символ, образ, метафору, «визиотип» и пр.), которые воспринимаются как осмысленное сообщение, определённым способом доносящее информацию до реципиента с помощью изображений». На анализируемом изображении в фокусе находится фигура Н. Саркози, спокойно сидящего на стуле напротив В. Путина. Поза бывшего президента Франции напоминает позу послушного милого ребёнка в гостях: его руки сцеплены вместе и лежат на коленях, взгляд опущен, он застенчиво улыбается. Таким образом формируется макропропозиция дискурса: наконец нервный Саркози успокоился и присмирел пред очами Хозяина.

Рис. 1. Фото из статьи Шарля Жэга [Jaigu – F.]

В дальнейшем тексте статьи актуализируются следующие этапы сценария: ожидание Хозяина (*il a attendu sept minutes* – он прождал семь минут), знание его привычек и характерных черт (опаздывать на встречи – это одна из путинских привычек: *le retard aux rendez-vous est une habitude poutinienne*; путинским вкрадчивым голосом: *de sa voix fluette*); получение оценки своих действий от Хозяина (В. Путин – Н. Саркози: *Я видел, что все были*

под впечатлением твоей речи... Она была высоко оценена как во Франции, так и за рубежом). Импликатура привлечения такого сценария для контекстуализации новости достаточно прозрачна: Франции нужен такой сильный лидер, перед которым даже взбалмошным политикам, подобным Саркози, приходится присмиреть.

Когнитивная стратегия рефрейминга реализуется в большинстве проанализированных статей. Рефрейминг – когнитивная операция трансформации уже сложившегося представления о некоей ситуации, положении дел (его участниках, их действиях и качествах) в некое другое упорядоченное представление-схему, производимая, как правило, при помощи механизма концептуальной метафоры. Традиционно, начиная с эпохи перестройки, образ и деятельность российских политиков концептуализировались в западном политическом медийном дискурсе в рамках «неспортивных» фреймов РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПРИ КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЕ, ЦИРК, ДИКАЯ ПРИРОДА поскольку Б. Ельцина, например, называли во франкофонных СМИ, эхом повторявших слова американских изданий [Carley – V.], *le fou du roi* («дурачок при дворе короля»), а Путина, олицетворявшего собой Россию, изображали безжалостным агрессивным медведем, который, вырвавшись из под контроля «западных дрессировщиков» (см. рис. 2–3) может разорвать на части Европу.

Рис.2 Путин и Обама

Рис.3 «Это просто самозащита»

В то время как для концептуализации в массовом сознании деятельности западных политиков устоявшимся фреймом является фрейм ИГРА В ШАХМАТЫ, где политики и их соперники – игроки, просчитывающие наперед свои решения, а ходы – политические акты, действия. Интересно, что, с момента начала активных действий России в Сирии, в рамках именно такого когнитивного контекста конструируется во французских СМИ и образ российского президента. Например, Андре Беркоф в «Фигаро» [Bercoff – F.] назвал свою

статью «Пока Путин играет в шахматы, Олланд дуется в карты», тем самым играя на повышение российского президента, который хладнокровно и умно вершит мировую политику, и, одновременно, – на понижение Ф. Олланда, бесцельно тратящего время на ничего не значащие рокировки. Политолог и журналист Винсент Депорт начинает статью «Routine, le terrible» («Этот ужасный Путин») в газете «Либерасьон» [Desportes – L.] с предикатива: *Vladimir Poutine est un maître en stratégie, un champion au jeu d'échecs. Il excelle dans ces domaines où nous nous contentons du rôle de candidats, incapables même de retenir les leçons de l'histoire* (Владимир Путин – мастер стратегии, чемпион по игре в шахматы. Он одерживает победы там, где нам уготована лишь роль простаков, неспособных даже припомнить уроки, которые уже преподавала нам история). Находим аналогичные аллюзии и в других статьях. Так, в уже упоминавшемся интервью политолога Жана-Франсуа Колозимо изданию «Фигаро» присутствует метафорический образ политика-шахматиста: *Là où Poutine profite de la faiblesse de la position occidentale et renverse habilement l'échiquier, c'est lorsqu'il demande si al-Qaïda est préférable à Daech* (Когда Путин ставит вопрос о том, лучше ли Аль-Каида, чем ИГИЛ, он пользуется уязвимостью позиции западных политиков и умело меняет расстановку сил на шахматной доске). Однако следует признать, что в одних и тех же контекстах можно зачастую наблюдать конкуренцию двух метафор, восходящих к разным фреймам: ПУТИН – МЕДВЕДЬ, ПУТИН – ШАХМАТИСТ. Например, в интернет-издании «Деловой мир» журналист Франсуа Норман [Normand – Af.] начинает статью, называя Путина «гроссмейстером, терпеливо продвигающим вперед свои пешки вот уже 15 лет» (*Tel un maître d'échecs, Vladimir Poutine avance minutieusement ses pions depuis 15 ans*), однако в дальнейшем тексте, описывая поведение В. Путина на внешнеполитической арене, вновь возвращается к фрейму ДИКАЯ ПРИРОДА: *La donne a toutefois changé en 2014, quand l'ours russe blessé a sorti ses griffes* (Политический расклад тем не менее изменился в 2014, когда раненый русский медведь выпустил свои когти).

Таким образом, мы можем наблюдать как концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ претерпевает рефрейминг, будучи перенесена из концептуализирующего дискредитирующего контекста дикой природы (Путин – медведь) в более привычный для концептуализации европейского политика, а потому – «повышающий», контекст интеллектуальной игры (Путин – шахматист).

Таким образом, в рассмотренных нами случаях схематические, когнитивные и семантические дискурсивные стратегии служат средством внедрения в массовое сознание

французов концептуальной амальгамы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ в целях дальнейшей её адаптации в национальной картине мира в позитивно-оценочный концепт СИЛЬНЫЙ ЛИДЕР НАЦИИ. Обсуждаемая концептуальная амальгама служит оружием информационной войны правых политических сил против левых и центристов. При этом следует отметить, что отмеченные нами дискурсивные стратегии затрагивают, в основном, уровень знаний потенциальных реципиентов текста – французов: знания о традициях построения античных текстов, знания о сценарии прецедентной ситуации «визит просителя к хозяину», ставшей кстати, одним из «бродячих сюжетов» как фольклорной, так и классической литературы, типичные фреймы, в рамках которых структурируются действия политиков.

4. Концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ как мишень информационной войны в российских СМИ

В отечественных оппозиционных СМИ наблюдается обратный процесс – процесс разрушения концептуальной амальгамы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ. Рассмотрим несколько типичных дискурсивных стратегий на примере дискурсивного пространства оппозиционных изданий «Сноб» и «Новая газета», а также интернет-сайта радиостанции «Эхо Москвы», в последнем случае проанализированные ниже тексты были взяты нами из рубрики «Блог», представляющей собой реакцию одного из обозревателей радиостанции на актуальные для новостной ленты события, высказанную в форме небольшого текста объёмом 2000–3000 знаков. Временные промежутки публикации проанализированных дискурсов очень значимы – один приходится на первую неделю, прошедшую после авиакатастрофы над Синайским полуостровом, а второй – на середину декабря 2015 года, когда В. Путин провёл ежегодную пресс-конференцию по итогам года.

Итак, в дальнейшем анализе мы постараемся показать, как концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ, став мишенью информационной войны, последовательно разрушается в массовом сознании при помощи ряда дискурсивных стратегий разного уровня.

Одной из действенных **когнитивных дискурсивных стратегий** является стратегия «логической манипуляции», когда журналист вербализует серию логических посылок, из которых, на уровне инференции вытекают нужные автору и разрушительные для «мишени» выводы. При помощи такой стратегии достигаются одновременно 2 цели: 1) у читателя создаётся ощущение рациональности, логичности, а значит, благодаря универсальной

концептуальной метафоре КОНТРОЛЬ (РАЦИО) – ВЕРХ, ЭМОЦИЯ – НИЗ [Lakoff, Johnson 1980], – правильности получаемого вывода; 2) автор защищает себя от юридических рисков – имплицитруемые им выводы формулируются самим читателем. Рассмотрим следующий фрагмент статьи «А зачем вам Путин?» из рубрики «Блог» под авторством Антона Ореха [Орех – ЭМ.]:

Сказать по совести, я и не ждал от Путина никакой особой реакции на гибель десятков пассажиров самолета, в большинстве своем, кстати, его земляков. И не понимаю, почему кто-то так сильно на эту реакцию рассчитывал. Да и зачем она вам? Какие невероятные слова вы хотели услышать? Соболезнования, заверения?

Я не помню, чтобы Путин как-то регулярно по таким поводам выступал с обращениями. Во-первых, он не любит, когда его имя и его лицо возникают на фоне трагедий, поражений и просто неудач. Для таких случаев пригодятся министры, МЧС, премьер Медведев, еще кто-нибудь. А Путин будет ловить тигров, поднимать со дна амфоры или играть в хоккей. А во-вторых, люди его типа вообще не знают, как вести себя в подобные моменты. Это даже не какое-то отрицательное качество, а просто особенность характера. Не даются человеку искренние проявления доброты, сострадания, печали. Такие люди считают, что всегда должны выглядеть сильными. Что показать свои чувства – значит, проявить слабость, а слабыми они быть не имеют права. Просто такой человеческий тип. <...>

Вообще, пора уже перестать нам по всякому поводу ругать и хвалить президента Путина. Случилась беда – виноват Путин, он за все в ответе. Улыбнулась удача – спасибо ему за наше счастливое детство, без него и лыжники не пробегут, и стерхи не перезимуют, и России без него не будет, в конце концов. Погиб самолет. Погибли люди. И нам не слова Путина нужны, а скорейшее расследование. Нам надо знать точные причины крушения, чтобы другие самолеты не разбивались. Конечно, надо поддержать семьи погибших. Тем более что многие семьи потеряли сразу нескольких близких людей.

Проанализируем логику построения дискурса.

Имеются компоненты Z, не-Z, X и Y. Компонент Z задаётся на уровне прагматической пресуппозиции, фоновых знаний коммуникантов: Z (крушение самолёта) – это ситуация, которая каждого касается. Компонент не-Z определяется контекстуально относительно Z – это ситуации, которые имеют значение только для конкретного «обычного» человека или его окружения (играть в хоккей, поднимать амфору и т.д.). Компонент X, также как и Z, задаётся

на уровне прагматической пресуппозиции – реакция, поступок, которые естественны для каждого человека в заданном типе ситуации. Y – это Путин.

Дальше автор употребляет череду внутренних предикатов (предикатов, фиксирующих некоторое положение дел, доступное наблюдению только самого субъекта, что, как правило, связано с внутренними мыслительными процессами) в конструкциях отрицания: *я не ждал, я не понимаю, я не помню*. Наличие таких внутренних предикатов сразу же позиционирует автора текста как некоего «пророка», «гуру», вещающего сокровенные истины, доступные только его внутреннему «оку». В этой связи можем отметить также наличие в дискурсе журналиста тактик ухода от правовых рисков, в частности, тактики манифестации субъективности [Дягтерёва, Осадчий 2012].

Далее развёртывается структура логической аргументации, построенная сначала на контрасте, проявляющемся в противопоставлении синтаксических конструкций по типу стилистической фигуры хиазма: «АБ; БА» (Y обычно делает X, если не-Z; Y никогда не делает X, если Z).

Я не ждал, что Y сделает X, если Z;

Я не понимаю, почему многие думали, что Y сделает X, если Z;

Я не помню, чтобы Y сделал X, если Z,

Наоборот,

Y обычно делает X, только если не-Z;

Y никогда не делает X, если Z;

Следовательно, Y неспособен на X, если Z,

Значит – он нетипичный человек,

Может ли он быть нашим лидером?

Возникает извечный вопрос об атипичности лидера и о знаке (+/-) этой атипичности: если он не такой как все, так, может, он имеет какую-то особенную власть над миром? Ответ имплицитно содержится в последнем абзаце текста (*Вообще, пора уже перестать нам по всякому поводу ругать и хвалить президента Путина...*):

ни Z, ни не-Z от Y не зависят, Y – просто маргинал без особой власти над судьбой и событиями, зачем нам такой лидер?

Ту же стратегию логической манипуляции мы видим в следующем тексте (блог Бориса Вишневого, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (фракция «Яблоко»), на сайте «Эхо Москвы» «Зачем спрашивать Путина?») [Вишневский – ЭМ.]:

Десять лет назад у Бориса Стругацкого поинтересовались: о чем бы он хотел спросить Владимира Путина?

«Ни о чем, – сухо ответил Борис Натанович. – У нас с ним нет общих тем для разговора».

Пару дней назад Михаил Соколов на радио «Свобода» в преддверии пресс-конференции Путина задал мне такой же вопрос. И получил такой же ответ: у меня нет вопросов к президенту. А к тем, кто смотрел пресс-конференцию, у меня один вопрос: каких ответов на заданные вопросы они ждали?

«Экономический кризис – результат внешней политики, которую я провожу»?

«Чайка будет уволен, как и Турчак»?

«За организаторами убийства Немцова уже выехали, и вы знаете, куда»?

«Правительство завтра будет отправлено в отставку, премьером будет Кудрин»?

«Закон о запрете иностранного усыновления мы отменим»?

«Я говорил неправду об отсутствии наших военнослужащих на востоке Украины так же, как раньше говорил неправду об их отсутствии в Крыму»?

«Военную операцию в Сирии я начал, чтобы отвлечь внимание от провала операции на Украине»?

«Сбор Ротенберга» – ужасная ошибка, мы его аннулируем»?

«Чемпионат мира по футболу мы получили за взятки функционерам ФИФА»?

Ах, на такие ответы никто не рассчитывал? Зачем тогда было вообще его спрашивать – если заранее было ясно, какими будут его ответы?

В центре дискурса – тема диалога. Неслучайно лексемы *спрашивать/отвечать, вопрос/ответ* встречаются в относительно небольшом тексте в общей сложности 11 раз. На уровне макропропозиции дискурса формируется следующее утверждение «Диалог – это единственная форма коммуникации, свидетельствующая о существовании реальных отношений между людьми». Далее вводятся дополнительные пресуппозиции: диалог имеет смысл, если коммуниканты А и В 1) доверяют друг другу и 2) заинтересованы в обмене информацией. Первая пресуппозиция имплицитно означает то, что если А запрашивает у В информацию X, то он должен получить от В эту информацию X, а не Y, например, а вторая – то, что А ожидает от В запрашиваемую информацию X, а не Y, а В не стремится выдать за X какой-нибудь Y.

При помощи семантического механизма уравнивающей дистрибуции автор текста «уравнивает» себя и, бесспорно, авторитетного классика отечественной литературы (Стругацкий ответил X, Я ответил X, значит Стругацкий = я), продолжая имплицировать: А (я и Стругацкий) не можем диалогировать с В (Путиным), поскольку отрицаем возможность обеих пресуппозиций (не доверяем и не заинтересованы). Напротив, народ (вы) утверждает, что Путин – реальный лидер нации, что обоих субъектов связывают диалогические отношения, основанные на доверии и заинтересованности. Это – ложь. Если «народ» (вы) спрашивает об X, но получает Y (длинным списком даются «честные» ответы на поставленные вопросы, которые могли бы прозвучать, но так и не прозвучали), значит, ни о каком доверии между коммуникантами А и В речь идти не может. А если «народ» (вы) не ожидаете честную информацию X в ответе на запрос об X, то тогда и ни о какой заинтересованности в обмене информацией нет. Следовательно, нет и диалога, а значит, ничего не связывает лидера и его нацию. Подчеркнём, что, как и в предыдущем проанализированном случае реализации стратегии логической манипуляции, автор в полной мере использует механизмы легевфемизации, стараясь максимально уйти от правовых рисков, опираясь исключительно на инференциальные механизмы выводного знания при реализации дискурсивной стратегии.

Развенчание идеи единства лидера и его народа в сочетании с утверждением макропропозиции ДОВЕРИЕ НАРОДА К ЛИДЕРУ НЕ ПОДЛИННО является целью целого ряда **семантических дискурсивных стратегий**. Так, в статье К. Мартынова в «Новой газете» [Мартынов – НГ.] «Не геополитик, но политэконом» анализируется пресс-конференция В.В. Путина по итогам 2015 года. Преимущественно лексическими средствами реализуется тактика контраста, когда противопоставляются три лексико-семантических поля (далее – ЛСП): «магия», «театр» и «технологии». Такой контраст, подобный нисходящей градации в стилистике, в три этапа низводит сакральный образ правителя и защитника своего народа через идею неискренности, лицедейства, до сфабрикованного пиар-технологиями имиджа.

Рассмотрим единицы лексико-семантического поля «магия»: *Ставки слишком высоки: тысячи аналитиков открыли свои сигналоприемники и готовы словно средневековые герменевты трактовать каждый слог – в буквальном, аллегорическом, гомилетическом и мистическом смысле; Сенсаций от президента не ждали, разве что локальных чудес...; Энергия той массы проблем, которая надвигается на Россию,*

используется для того, чтобы усилить личную харизму президента...; Экономика вещь для этого большинства темная, загадочная, но подлая – когда она вдруг наносит удар, в карманах становится пусто. Большинству нужен человек, который экономику не столько бы объяснил, сколько приручил.

Образ лидера нации рисуется в контексте таинства и мифа. Именно эта сила приписывалась издревле королям и правителям: власть вызывать дождь, богатый урожай, бороться с тёмной силой (в данном конкретном случае – экономическим кризисом), приручать её [Bloch 1998].

Однако контрастное сопоставление с театром значительно снижает градус мистичности и сакральности, оставляя лишь флёр загадочности, компрометируемый семами «неискренность», «двуличие». Рассмотрим ЛСП «театр»: *Пресс-конференции Путина – особый и уже традиционный жанр российского политического театра...; Так что импровизации должны быть точными – и подкреплять собой именно тот эффект, который Путин хотел произвести на этот раз...; Ответы часто были уклончивыми, но здесь важнее факт новой драматургии...; Хорошая новость состоит в том, что роль кризис-менеджера все-таки предполагает меньше рисков, чем роль идеологического вождя «русского мира».*

Элемент загадочности, свойственный перевоплощению, и вовсе нивелируется и профанируется благодаря третьему ЛСП, участвующему в конструировании контраста – «технологии»: *Кажется, он занялся поисками-конструированием своего нового имиджа...; и пытаются продемонстрировать политический прием из арсенала восточных единоборств...; и найти новые рычаги для удержания стабильно-высокого рейтинга; Из подчеркнутой простоты Путина, его способности «рубить с плеча» состоит второй элемент имиджа решительного кризис-менеджера.*

Идея незаконности, неподлинности того влияния и той поддержки, которые имеет президент в стране, утверждается за счёт **конвергирующей** (по аналогии с явлением конвергенции в стилистике, когда в одном текстовом пассаже наблюдается высокая плотность стилистических приёмов различной языковой природы) **семантической стратегии «дискредитирующей пассивизации»**, когда посредством грамматических, семантических и интертекстуальных средств формируется образ народа – послушного безвольного большинства. Так, политик и правозащитник Н. Гулевская в публикации «Путин разрывает пути» [Гулевская – ЭМ.] отмечает: *Мы все больше начинаем походить на*

жителей-камикадзе, которых создают и формируют для основной цели всей пропагандистской *машины* Кремля и Лубянки – для референдной атаки на основы нашей Конституции, чтобы разорвать путы на ногах и руках Путина и покончить с демократической правовой светской идиллией цивилизованного мира. Лексема *камикадзе* актуализирует семы «идуший на смерть», «добровольно», «под влиянием правил, системы, идеологии» (лётчик, в боевой операции идущий на гибель вместе со своим самолётом, а также боевик, идущий на гибель для совершения террористического акта [Толковый словарь...2010]). Неопределённо-личное предложение с формами глаголов в 3 л. мн.ч., в котором *камикадзе* с точки зрения семантических падежей Ч. Филлмора выполняют роль пациенса, претерпевающего действие (*камикадзе, которых создают и формируют*), усиливает идею недобровольности послушания при принуждении. Появление в одном контексте с *создают и формируют* лексем *машины* создаёт интертекстуальные связи с прецедентными текстами романов «Мы» Е. Замятина, «Земля людей» А. де Сент-Экзюпери, где технологическая метафора ИДЕОЛОГИЯ (у Замятина) / ПОВСЕДНЕВНОСТЬ и НИЩЕТА (у Сент-Экзюпери) – МАШИНА ДЛЯ ОТУПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ (*machine à emboutir* во французском варианте) занимает центральное место, а лексема *камикадзе*, являясь кодовым, по И.В. Арнольд [Арнольд 1999], интертекстуальным включением, апеллирует к прецедентной ситуации – участию империалистической Японии, страны с традиционно сильной идеологической «машиной», во второй мировой войне. Совместный эффект локальной семантики, грамматики неопределённо-личного предложения и интертекстуальных связей актуализирует в сознании реципиентов текста идею нерелексирующих, отуплённых идеологией масс, послушно следующих за кем-то в силу то ли привычки, то ли принуждения, но только не сознательного выбора. Другой журналист того же СМИ, А. Мельников [Мельников – ЭМ.], заканчивает свою статью, посвящённую трагедии над Синаем: *Завтра траур закончится. Вздрогнувшая страна вновь двинется в свой упрямый поход к обрыву*. И здесь мы видим метафорическую аллюзию на прецедентную ситуацию, многократно обыгранную в фильмах («Тёмные силы», например), в художественных текстах (Мураками «Паразиты»), анекдотах (Сидит чукча на обрыве. К обрыву подходит стадо оленей. Один олень свалился в воду, второй... Вот уже все стадо упало с обрыва. Чукча задумчиво: – Однако, тенденция), когда овцы, бараны или олени бросаются один за одним с обрыва. Таким образом формируется дискредитирующая

импликатура – тот народ, который идёт за таким лидером, – бараны, овцы, олени, т.е. олицетворения глупости, послушности и стадности.

Другой лексической единицей, актуализирующей семы «пассивность» и «внушаемость» является слово *психотерапевт*, например, в следующем контексте [Карпова, Дудкина – С.]: *Год назад Путин был военным вождем, а теперь у него совсем другая функция – он психотерапевт и пытается всем объяснить, что все не так плохо, как им кажется.* Необходимо подчеркнуть, что лексема *психотерапевт* имеет в русской лингвокультуре отрицательную оценочность и неблагоприятный коннотативный ореол, будучи ассоциирована с прецедентной для русских ситуацией – тяжёлым для страны периодом перестройки и деятельностью В. Кашпировского. Таким образом, формируется кореференциальная цепочка, последнее звено которой актуализируется имплицитно за счёт интертекстуальных и ассоциативных связей: Путин – не военный вождь – психотерапевт – Кашпировский. Данная кореференциальная цепочка может быть сокращена до «Путин – Кашпировский», а затем «синхронизирована» с другой кореференциальной цепочкой «Россия Путина – перестроечная Россия 90-х (время телесеансов Кашпировского)».

Наблюдая за дискурсивными стратегиями разрушения концептуальной амальгамы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ в той информационной войне, которую ведут отечественные оппозиционные СМИ, следует отметить две тенденции: 1) тенденцию к использованию преимущественно имплицитных средств для реализации дискурсивных стратегий, призванных разрушить анализируемую концептуальную амальгаму, и 2) тенденцию авторов подобных текстов избегать правовых рисков при помощи непрямого формирования общественного мнения, излишней субъективизации точки зрения.

Заключение

При сравнительном анализе двух прямо противоположных тенденций – внедрение концептуальной амальгамы ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ в массовое сознание французов и разрушение данной амальгамы в массовом сознании русских – характерных для внутренних информационных войн во Франции и в России, следует отметить следующие сходства и различия на уровне используемых дискурсивных стратегий и конкретных средств их реализации:

Различия на содержательном уровне:

Во французском медиадискурсе концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ рассматривается как подлинное, истинное явление, подлежащее позитивной оценке и являющееся социально привлекательным; основными концептуальными признаками, приписываемыми данной амальгаме, являются: маскулинность, сексуальная привлекательность, сила лидера, амбиции, отношения уважительного подчинения, ясные перспективы нации; фоном для постулирования данных концептуальных признаков является образ слабой, безвольной, женоподобной власти во Франции и на Западе в целом; функция данной концептуальной амальгамы – выступать оружием информационной войны правых с левыми, орудием внедрения в массовое сознание идеалов «сильной» власти.

В российском медиадискурсе концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ предстаёт как нечто, не имеющее реального бытия, как миф, ложь, идеологический продукт, подлежащий разоблачению и высмеиванию; основными концептуальными признаками, приписываемыми данной амальгаме, являются: «атипичность лидера как человека», «неспособность лидера и нации к коммуникации», «бессилие лидера», «неискренность лидера», «безропотность и серость самой нации», «наличие нескольких людей, которые понимают всё»; фоном для постулирования вышеописанных концептуальных признаков является общий пессимистический пейзаж экономической и социальной ситуации в стране; функция данной концептуальной амальгамы – выступать мишенью информационной войны, которую ведут оппозиционные прозападные партии с правящим блоком единороссов.

Различия на уровне организации и построения воздействующего дискурса:

Во французском медиадискурсе преобладают когнитивные и схематические стратегии организации дискурсивного воздействия для внедрения анализируемой концептуальной амальгамы. Опора на прецедентность, на культурный фон, когнитивные структуры, сформированные в рамках системы образования и масс-медиаальных традиций, является характерной чертой дискурсивной организации. На таком фоне дополнительные нюансы добавляют семантические стратегии, основанные на определённом семантическом «рефрене» – повторяемости лексически и грамматически реализованных смыслов.

В русских оппозиционных медиа мы наблюдаем использование семантических дискурсивных стратегий, характерной особенностью которых является имплицитное формирование смыслов, формулировать которые в полной мере должен читатель, а также излишнюю субъективизацию мнений, суждений, оценок, которая может рассматриваться как продуманная стратегия избегания правовых рисков – легевфемизация. Опора на локальную

семантику дискурса приводит к широкому использованию риторических приёмов аллюзии, семантического контраста, градации, хиазма.

Список литературы

- Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л. Конструкции типа негде спать: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Вып. 29. 1989. С. 34–92.
- Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики // Семантика, стилистика, интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 380–442.
- Балуев Д.Г. Новые современные технологии и международные отношения. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/02/bal> (дата обращения: 18.02.2012).
- Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (НТГСПА), 2007. 149 с.
- Дегтярёва А.Р., Осадчий М.А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 159–162.
- Иванов С.А. Особенности ведения информационных войн в российских регионах в 2000-е гг. (на примере регионов юга Западной Сибири): автореф. канд. дис... СПб., 2015. 30 с.
- Иссерс О.С. Паша-«Мерседес» или речевая стратегия дискредитации // Вестник ОмУ. 1997. Вып. 2. С. 51–54.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 245 с.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 350–369.
- Панарин И.Н. Информационная война за будущее России. М.: Радио и связь, 2008. 256 с.
- Пискун А.В. Проблема смысла в эпоху информационных войн // Известия МГТУ «МАМИ». 2010. № 2. С. 211–214.
- Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Ваклер, 2000. 574 с.
- Сарна А. Образ и медиум: визуальный текст в массовой коммуникации. Минск: «Четыре четверти», 2012. 206 с.
- Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 160–172.
- Соловьёв А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспективы // Пространство и время. 2010. № 2. С. 75–81.
- Толковый словарь русского языка /Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык. 2010. URL:<http://ozhegov.textologia.ru/definit/kamikadze/?q=742&n=174931> (дата обращения: 23.11.2015).
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006. 252 с.
- Bloch M. Les rois Thaumaturges Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. P : Guallimard, 1998. 712 p.
- Campen A. D. (ed.). The First Information War: The Story of Communications, Computers, and Intelligence Systems in the Persian Gulf War. Fairfax, VA: AFCEA International Press, 1992. 195p.

Dijk T. Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach. In Ruth Wodak & Michael Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 62–85.

Dijk T. What is political discourse analysis? In J. Blommaert and Ch. Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1997. Pp. 11–52.

Glucksmann A. L'Europe sera voltairienne ou ne sera pas. URL: http://www.lexpress.fr/culture/livre/andre-glucksmann-l-europe-sera-voltairienne-ou-ne-sera-pas_1675118.html (accessed 02.05.2015).

Lakoff, J., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

Apresjan Ju.D., Iomdin L.L. Konstrukcii tipa *negde spat'*: sintaksis, semantika, leksikografija [Constructions similar to *negde spat'*: syntax, semantics and lexicography]. *Semiotika i informatika [Semiotics and informatics]*. Issue 29. 1989. Pp. 34–92.

Arnol'd I.V. Problemy dialogizma, intertekstual'nosti i germenевtiki [Problems of dialogism, intertextuality and hermeneutics]. *Semantika, stilistika, intertekstual'nost' [Semantics, stylistics, intertextuality]*. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999. Pp. 380–442.

Baluev D.G. Novye sovremennye tehnologii i mezhdunarodnye otnoshenija [New technologies and international relationship]. Available at: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/02/bal> (accessed 18.02.2012).

Budaev J.V. Postsovetskaja dejstvitel'nost' v metaforah rossijskoj i britanskoj pressy [Post soviet reality in metaphors of Russian and British press]. Nizhnij Tagil: Nizhnetagil'skaja gosudarstvennaja social'no-pedagogicheskaja akademija (NTGSPA), 2007. 149 p.

Degtjarjova A.R., Osadchij M.A. Legevfemizm kak taktika uhoda ot pravovyh riskov v novostnyh internet-izdaniyah [Legivfemism as a tactic of avoiding law's violations in internet news media]. *Vestnik KemGU*. 2012. № 4 (52). T. 3. Pp. 159–162.

Ivanov S.A. Osobennosti vedenija informacionnyh vojn v rossijskih regionah v 2000-e gg. (na primere regionov juga Zapadnoj Sibiri) [Characteristics of information warfare in Russian regions in 2000]: avtoref. kand. dis. SPb., 2015. 30 p.

Issers O.S. Pasha-«Mercedes» ili rechevaja strategija diskreditacii [Pasha-«Mercedes» or a speech strategy of discretization]. *Vestnik OmU*. 1997. Issue 2. Pp. 51–54.

Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Glossary of cognitive linguistics terminology]. E.S. Kubrjakova, V.Z. Dem'jankov, Ju.G. Pankrac, L.G. Luzina. M., 1996. 245 p.

Lakoff J. Lingvisticheskie geshtal'ty [Linguistic gestalts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New approaches in foreign linguistics]*. Volume: *Lingvisticheskaja semantika [Linguistic semantics]*. M.: Progress Publ., 1981. Pp. 350–369.

Panarin I.N. Informacionnaja vojna za budushhee Rossii [Information warfare for a future of Russia]. M.: Radio i svjaz' Publ., 2008. 256 p.

Piskun A.V. Problema smysla v jepohu informacionnyh vojn [Problem of sense in the era of information warfare]. *Izvestija MGTU «MAMI»*. 2010. № 2. Pp. 211–214.

Pochepcov G.G. Informacionnye vojny [Information warfare]. M.: Vakler, 2000. 574 p.

Sarna A. Obrazi medium: vizual'nyj tekst v massovoj kommunikacii [Image and medium: visual text in mass-media]. Minsk: «Chetyrechetverti», 2012. 206 p.

Skovorodnikov A.P., Korol'kova Je.A. Rechevye taktiki i jazykovye sredstva politicheskoi informacionno-psihologicheskoi vojny v Rossii: jetiko-pragmaticheskij aspekt (na materiale «Novoj

gazety») [Speech tactics and linguistic means of political, information and psychological warfare: ethic and pragmatic aspects]. *Politicheskaja lingvistika*. 2015. № 3. Pp. 160–172.

Solov'jov A.V. Informacionnaja vojna: ponjatie, sodержanie, perspektivy [Information warfare: concept, content and perspectives]. *Prostranstvo i vremja*. 2010. № 2. Pp. 75–81.

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian]. Pod red. S.I. Ozhegova, N.Ju. Shvedovoj. M.: Russkij jazyk Publ.. 2010. Available at: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/kamikadze/?q=742&n=174931> (accessed 23.11.2015).

Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]. M., 2006. 252 p.

Bloch M. Les rois Thaumaturges Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. P : Guallimard, 1998. 712 p.

Campen A. D. (ed.). The First Information War: The Story of Communications, Computers, and Intelligence Systems in the Persian Gulf War. Fairfax, VA: AFCEA International Press, 1992. 195 p.

Dijk T. Critical Discourse Studies: A sociocognitive Approach. In Ruth Wodak&Michael Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 62–85.

Dijk T. What is political discourse analysis? In J.Blommaert and Ch.Bulcaen (Eds.), *Political Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1997. Pp. 11–52.

Glucksmann A. L'Europe sera voltairienne ou ne sera pas. Available at :http://www.lexpress.fr/culture/livre/andre-glucksmann-l-europe-sera-voltairienne-ou-ne-sera-pas_1675118.html (accessed 02.05.2015).

Lakoff, J., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Список сокращений и источников иллюстративного материала

Bercoff – F. – Bercoff A. Pendant que Poutinejoue aux échecs, Hollande joue à la belote // Le Figaro (28.09.2015). URL : <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2015/09/28/31001-20150928ARTFIG00118-poutine-bachar-el-assad-ces-diables-qu-on-ne-peut-plus-ignorer.php> (date d'accès 30.12.2015).

Carley – V. – Carley M. Les medias dominants et l'Ours Russe. URL :<http://www.voltairenet.org/article189213.html> (date d'accès 30.12.2015).

Colosimo – F. – Colosimo J.-F. Colosimo : comment Poutine est devenu roi du grand échiquier international // Le Figaro (27.12.2015). URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/12/23/31002-20151223ARTFIG00090-colosimo-comment-cpoutine-est-devenu-roi-du-grand-echiquier-international.php>(date d'accès 30.12.2015).

Desportes – L. – Desportes V. Poutine, le terrible // Libération (15.04.2014). URL : http://www.liberation.fr/planete/2014/04/15/poutine-le-terrible_998138 (date d'accès: 30.12.2015).

Forbes – Ex. – Pour Forbes, Poutine est l'homme le plus puissant du monde depuis trois ans // L'Express (04.11.2015). URL : http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/pour-forbes-poutine-est-l-homme-le-plus-puissant-du-monde-depuis-trois-ans_1732836.html (date d'accès 30.12.2015).

Forbes – S. – Прокопьев А. Выборы во Франции: дерганный Саркози, сухарь Олланд и их женщины // Форбс (20.04.2012). URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=81452> (дата обращения: 23.11.2015).

Galactéros – F. – Galactéros C. Poutine, Orban : pourquoi les autoocrates séduisent à l'Ouest // Le Figaro (29.10.2015). URL: http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/10/28/31002-20151028ARTFIG00328-poutine-orban-assad-le-chef-une-espece-en-voie-de-disparition.php?redirect_premium (date d'accès 01.11.2015).

Jaigu – F. Jaigu Ch.Chez Vladimir Poutine, Nicolas Sarkozy plaide pour «la détente» // Le Figaro (29.10.2015). URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2015/10/29/01002-20151029ARTFIG00303-chez-vladimir-poutine-nicolas-sarkozy-plaide-pour-la-detente.php> (date d'accès: 30.12.2015).

Normand – Af. – Normand F. Poutine est en train de gagner son pari // Les Affaires (26.12.2015). URL: <https://www.lesaffaires.com/blogues/francois-normand/poutine-est-en-train-de-gagner-son-pari/584266> (date d'accès: 30.12.2015).

TAMLP – Твиттер аккаунт Марин Лепен. URL: https://twitter.com/mlp_officiel (дата обращения: 25.12.2015).

Вишневский – ЭМ. – Вишневский Б. Зачем спрашивать Путина? URL: http://echo.msk.ru/blog/boris_vis/1678750-echo/ (дата обращения: 31.12.2015).

Гулевская – ЭМ. – Гулевская Н. Путин разрывает пути. URL: <http://echo.msk.ru/blog/pravovojobereg/1651130-echo/> (дата обращения: 31.12.2015).

Карпова, Дудкина – С. – Карпова А., Дудкина Ю. «Был вождем – стал психотерапевтом» // Сноб (17.12.2005). URL: <https://snob.ru/selected/entry/102319> (дата обращения: 17.12.2015).

Мартынов – НГ. – Мартынов К. Не геополитик, но политэконом // Новая газета (17.12.2015). URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/71221.html> (дата обращения: 31.12.2015).

Мельников – ЭМ. – Мельников А. Одно государство, один лидер, одна авиакомпания. URL: http://echo.msk.ru/blog/alex_melnikov/ (дата обращения: 11.11.2015).

Орех – ЭМ. – Орех А. А зачем вам Путин? URL: <http://echo.msk.ru/blog/oreh/1651354-echo/> (дата обращения: 31.12.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор фил. наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный 82а
E-mail: nastiakol@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Cross-Cultural Communication
Siberian Federal University
82a Svobodny street, Krasnoyarsk 660041 Russia
E-mail: nastiakol@mail.ru